

Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, которые можем построить.

Осип Мандельштам

— Не понимаю, Маня, зачем ты едешь к этому человеку. — Папа смотрел на меня грустно. Однозначно грустно — без тени других эмоций.

— Папа! Ну... — Я отвернулась. Зачем он так на меня смотрит! Взрослый человек, а как будто на самом деле не понимает очевидных вещей.

— Маняша... — Папа провел рукой по моим волосам. — Как у тебя с ухажерами? Отстали?

— Ты хочешь всех разогнать?

— А! — Папа махнул рукой. — Даже если бы и хотел, что, отстанут? И Кашей отстанет, и этот, Гена-баритона?

— Папа... — Я засмеялась. — Ну почему «Гена-баритона»?

— Потому что у каждого баритона, особенно не заладившегося с детства, есть такой ген, который они называют «эго баритона», а заладившиеся, кстати, сидят в консерватории и развивают этот свой особый ген.

— А почему ты его в женском роде зовешь?

— Потому что в мужском роде так не выглядят! И ты меня не отвлекай! Так зачем тебе ехать к этому человеку?

Надо было слышать, как сакраментально папа произнес — «к *этому* человеку!» Какой там «Кашей» и «Гена-баритона» — мои ухажеры, которых папа ненавидит! Я прихожу с учебы и всё рассказываю, потому что это не так уж серьезно и смешно. Но чем больше я смеюсь и рассказываю, тем больше волнуется папа.

— Нет, скажи, почему ты Гену зовешь в женском роде? Он нормальный мальчик, даже не слишком женственный, усы растут, ноги огромные, — постаралась я вернуть папу к обычной его теме.

А тема такая: мне рано с кем-то встречаться, ведь мне еще нет двадцати семи лет. Вот в двадцать семь я буду абсолютно взрослой девушкой, готовой к серьезным отношениям, которая выйдет на улицу, тут же встретит очень хорошего человека и папа сыграет мне свадьбу. Он так и говорит: «Вот тогда я и свадьбу тебе сыграю!»

Папа нахмурился, вместо того чтобы засмеяться, но все-таки стал объяснять. Про Гену он поговорить любит, Гена — постоянный источник его тревог и насмешек, потому что сам Гена постоянно присутствует в моей жизни в виде сообщений, которые он пишет мне с утра до вечера, «занимает виртуальное пространство», как выражается, опять же, мой папа, человек грамотный и остроумный.

— А ты считаешь, Маняша, это нормальный мужчина или юноша, у которого раз в неделю случаются припадки и истерики?

— У некоторых женщин за всю жизнь не было ни одной истерики, у твоей жены, например. Поэтому по гендерному признаку истерики не классифицируются. Полно мужчин-истериков.

— Я не знаю, — искренне вздохнул папа, как в принципе он всё делает: совершенно искренне и с добром, — как среагирует твоя мама, когда узнает истинную цель твоей поездки в Сибирь.

— Истинная — международная студенческая конференция экологов.

— Да-да! — хмыкнул папа. — А я тогда — академик Сахаров, и делаю новую модель атомной бомбы, а не кодовый замок для бронированной двери, которая открывается только на определенное слово, произнесенное только определенным голосом.

— Ты так и не сказал маме, что я потом поеду к ...? — Я запнулась и замолчала.

Да, ситуация. Не я ее придумала, я как бы вообще ни в чем не виновата. И что? Я на самом деле могла бы не ехать. Но я поеду. И папу уговорю, и маму уговорю, если придется ей рассказать о моем неожиданном плане. Наверное, я давно об этом думала, подспудно, не выпуская эту мысль наружу. Она носилась у меня — в виде смутных образов — вот, села я

в самолет, полетела далеко-далеко, на другую сторону нашей необъятной Родины, туда, где утро наступает на четыре часа раньше, туда, где живет «этот человек»... В виде снов — да, я уже несколько раз видела во сне, как я подхожу к *нему* и говорю: «Привет! Не узнал?» Это невероятно глупо, глупее некуда, не узнать он меня не может, потому что он видел мои фотографии в сети, мы переписывались несколько раз, но ни разу не встречались. Он пару раз (или больше, я точно не знаю) приезжал в Москву, и мы могли увидеться, но меня оба раза не было. Знать он этого не мог, мы не так часто общаемся, и я не рассказываю ему обо всех своих планах и особенно о родительских. Просто не совпадало, потому что, наверное, не должно было совпасть.

Один раз он приезжал, когда три года назад мы ездили в Архангельск на похороны маминой мамы, моей любимой, самой любимой, самой лучшей бабушки, у которой прошли самые прекрасные летние и зимние каникулы моего детства. Бабушка жила в последние годы в деревне в восьмидесяти километрах от Архангельска, и для меня это место и бабушкин дом всегда будут настоящей Россией, немного не такой, в какой живу я.

Я-то живу в Московском княжестве, царстве-государстве, как хотите, но это другая какая-то Россия, не такая, как в остальной стране. И о том, что он был в Москве, я узнала по появившейся фотографии в сети. Он почти ничего не ставит на своих страницах, так, может перепостить раз в три месяца новости из какой-нибудь группы. А тут вдруг он сфотографировал какой-то невнятный старинный особняк, это мог быть любой город, но он неожиданно поставил локацию — «Москва». А я — тоже совершенно неожиданно — почувствовала обиду. Приезжал, знал, что я есть, что живу в Москве — он, собственно, всегда знал обо мне, это я о нем ничего не знала — и даже не попытался со мной встретиться. Если бы я была в Москве в это время, я бы просто написала комментарий под фотографией: «Привет!» Может быть, написала бы. И я уверена, что он бы отреагировал.

Второй раз, когда он приезжал, мы уехали на море, внезапно. Это было позапрошлым летом.

Мама боялась лететь, боялась и боялась, третий отпуск подряд, и мы уже решили не ехать ни на какое теплое море,

провести время на даче. «Мне только хорошо, Валюша! — искренне сказал папа. — Не кори себя!» И правда, он выполнит всё необходимое по саду и по хозяйству, прибьет всё отвалившееся у наших двух замечательных сараев и дома и засядет в дальнем углу второго этажа с тетрадкой или компьютером.

В тетрадке папа ищет решение очередного уравнения — он любит черкать по клетчатой бумаге простым карандашом, а в компьютере дописывает докторскую — и вовсе не про ядерную бомбу, это лишь его любимая горькая шутка, и не про двери для бандитов, которые столько наворовали, что теперь не знают, как спрятаться от врагов и завистников за этими дверьми, а про необыкновенные свойства необыкновенного вещества, которое никто никогда не видел, не трогал и почти не фиксировал приборами, кроме моего папы, потому что оно мгновенно разлагается на что-то другое. Но в этот краткий миг, когда вещество существует, оно обладает такими свойствами, что переворачивает наши представления о многом в этом сложном и удивительном мире, в котором мы живем.

Когда у тебя папа — талантливый физик, работающий в Курчатовском институте, а мама — талантливый биолог, работающая там же, и тоже практически закончившая свою докторскую, причем на стыке физики, биологии и каких-то наук, которым даже еще нет названия, но о них по восемнадцать часов подряд могут говорить мои мама с папой, не уставая, не обедая, не кормя меня, кота, собаку, проходя мимо нашей машины, мимо подъезда, проезжая поворот на дачу, поджаривая вместе с мясом кусочек пластиковой лопатки, которой папа размахивал, показывая маме, как именно бозон распадается на четыре лептона (это непонятно пока мне и не будет понятно, наверное, никогда, потому что я поступила на географический факультет, чтобы заниматься вопросами природопользования, и почти совсем не интересуюсь тем, о чем с утра до ночи бредят мои любимые, талантливые, увлеченные своей наукой родители), когда твои родители на самом деле настоящие ученые, и ты их любишь, уважаешь, смотришь на них как на инопланетян — а таких просто больше нет, как мои мама и папа — то в какой-то момент тебе становится очень одиноко.

Да, я, конечно, не совсем глупа, я окончила школу с медалью. Хотя, конечно, не Ломоносовскую и не Курчатовскую, а самую обычную. Зачем меня отдали в эту школу, никто не знает, никто, даже сами мама с папой, которые меня отвели и записали в соседнюю школу в шесть лет. Я походила две недели в школу, и родители решили, что я слишком мала для учебы. И через год снова повели меня, смеясь, «второй раз в первый класс!» в ту же самую школу. Почему мама с папой не могли меня водить в Курчатовскую, где учатся будущие светила физики и математики, а потом идти к себе на работу — на соседнюю улицу? Не видели во мне ничего особенного?

Спрашивать бесполезно. Такие странные прозаические вопросы не находят никакого отклика в их голове. Иногда мне кажется, что голова у них одна, просто разделенная наполам — на мужчину и женщину.

Они живут рядом, постоянно думают вместе, помогают друг другу, говорят на своем особом языке, иногда вообще выпадают из жизни. Забывают платить за квартиру, и у нас скапливается огромный долг. Забывают на даче платить за электричество, и нам отключают свет. Забывают на даче животных, забывают вместе с ними меня.

Так мы однажды просидели с Антипом (серым полосатым котом) и Рыжиком (огромным бело-черным сенбернаром, без единого рыжего пятнышка), запертые на даче, целый день, без электричества, с разряженным телефоном. Мы не грустили, я была уже очень большая — семиклассница. Я не ходила в школу, были осенние каникулы, еды в шкафу было полно, в баллоне был газ, а около печки лежали дрова. Печку я топить умела. Тем более печь была теплая, и я просто подкладывала дрова. А электричество включить не сумела. Родители отключили рубильник «как положено», в двух местах, второй я не смогла включить, как ни старалась.

Полдня прошли замечательно. Я читала, жарила в печке хлеб, ела конфеты и грецкие орехи. Открыла окно, и пес, и кот сообразили — выпрыгивали через него и заходили обратно.

К вечеру мне стало страшно, дом показался огромным, на улице вдруг резко стало холодно, даже вода замерзла на кухне в умывальнике. Я села на диван в обнимку с котом и соба-

кой, закрылась двумя пледами и стала думать, как дойти до электрички. Рыжик-то, ладно, будет идти за мной, куда угодно. Но что в голове у Антипа? Пройдет ли он шесть километров с нами или свернет куда-нибудь по дороге по своим делам, которые обычно появляются у котов в самый неподходящий момент и о которых они никому не сообщают? Тут как раз мама с папой спохватились, что, кажется, нигде нет ни меня, ни животных. И очертя голову вдвоем помчались на дачу. При этом они нормальные люди, водят машину, попеременно. Но иногда оставляют ее у магазина и уходят, забывая про нее. И потом ходят по улицам, вспоминая — а где же они купили эту замечательную колбасу и корм для птиц, которых у нас никогда не было? Ведь рядом с тем магазином они припарковали машину — кажется... Еще стоянка была такая удобная и просторная — только для спецтранспорта...

Ту дачную историю мама с папой не любят вспоминать, но когда я однажды их по случаю спросила, были ли они здоровы в тот момент, они объяснили: так они были абсолютно уверены, что в доме никого нет! Что я, большая девочка, зачем-то взяла Антипа и Рыжика и уехала с ними в Москву, одна, я же такая самостоятельная, всё делаю сама, и давно! Почему так решили? А в доме было очень тихо, и ботинок моих внизу у двери не было, и, кажется, я вечером собиралась уезжать... Поэтому они, обсуждая на ходу совершенно невероятную гипотезу, которая заставила папу проснуться в пять утра и разбудить маму, закрыли дом и уехали. А мы с Антипкой и Рыжиком спали в моей комнате на втором этаже. Ботинки же мои Рыжик принес мне, это его любимое развлечение — если он видит где-то мои сандалии, босоножки, ботинки, тапочки, сапоги, то тащит их мне и кладет рядом, счастливо заглядывая в глаза... Бредовая история какая-то. Только это правда, и случилось со мной и с моими родителями.

А тем летом *этот человек* опять приехал в Москву, ничего заранее не написав мне (хотя в июне он поздравил меня с отличным окончанием школы, написав под моей фотографией с золотой медалью: «Поздравляю!») Была середина лета, и я как раз уже поступила в МГУ. Все знали, что я прошла на бюджет, у меня были очень высокие баллы по ЕГЭ, и два специальных экзамена на факультете я тоже сдала прекрасно.

Мама в тот день с утра сидела за компьютером, что-то просматривала, хмурилась и вдруг сказала: «Да! Мы едем! Завтра! Вадюша, собирайся, Маня, пристраивай своих товарищей на две недели!» «Мои товарищи» тут же услышали что-то в голосе мамы. Антип подошел ко мне и сел рядом, вопросительно глядя на меня с пола, огромный Рыжик тут же встал обеими лапами на спинку моего стула, пытаясь облизать мне обе щеки и уши одновременно.

— Куда едем, Валюша? — спокойно спросил папа.

— Я нашла изумительное место! — взволнованно ответила мама.

— Где? — отогнав Рыжика, спросила я, отлично зная, какой мама неопытный турист.

Обычно мы собираемся и никуда не едем. В отличие от многих физиков и биологов, вырывающихся из лабораторий в высокие горы, густые леса, бескрайние поля и на далекие моря, мои родители — Валюша и Вадюша — любят сидеть на нашей замечательной даче, ходить в соседний лес и говорить о своем, запредельном. Если в лесу холодно и мокро, они надевают плащи и резиновые сапоги и ходят по полю. И обдумывают теории — удивительные, волшебные, волнующие их больше, чем море, небо, горы и звезды.

— Вот, смотри! — Мама позвала нас к компьютеру.

— Мам, тебя обманут, — сказала я, видя, как мама с радостью рассматривает красивые двухэтажные домики из светлого дерева, за которыми виднеется лазурно-синее, бескрайнее море, на которое мы никогда не поедем. А если и поедем, домики эти окажутся в соседнем, «элитном» доме отдыха, море будет грязным, а берег людным. Это я осторожно и высказала маме.

— Почему, дочка? — Мама посмотрела на меня самыми прекрасными в мире глазами, огромными, доверчивыми, которые созданы для того, чтобы их обманывали. Или любили, как ее любит папа, мамин муж.

— Потому что — ты цену видела? Разве может быть за эту цену такое чудо? Всё из дерева, лес, море?

— Ну ладно... Ты, наверное, права... — Мама закрыла страничку, грустно вздохнула.

— Ну, а где это хотя бы? Как называется?

— Бухта... сейчас... забыла, название красивое... то ли Икар, то ли Энап... Эмилия, нет не Эмилия... — стала перебирать названия мама, заново открывая страничку.

— Греция? — поднял голову папа. — Ты полетишь?

Не могу сказать, что он очень радостно это произнес.

— Нет! Не надо лететь! Почему Греция? Это у нас в Краснодарском крае, между Туапсе и Геленджиком! Можно доехать на поезде... двадцать два часа и — фьють! — Мама показала рукой, как мы легко можем оказаться на далеком синем море.

С тех пор, как мама стала бояться летать на самолетах, все места нашего возможного отдыха делятся на те, куда бы мы точно поехали, если бы мама согласилась лететь, и на те, куда можно доехать на чем-то другом. Ехать, конечно, необязательно, лучше нашей дачи ничего нет, но помечтать можно.

Родители дружно собрали две сумки (чемоданов у нас нет, точнее, есть один, на чердаке дачного дома, но в нем хранятся родительские конспекты из юности), быстро взяли билеты на поезд. Когда мы сели в купе, *тот человек* написал мне: «Привет! Я в Москве, пиши, увидимся!». Я удалила сообщение и ничего не ответила — не знала, что сказать.

А мы с родителями через сутки на самом деле приехали в такое прекрасное место, что целых два дня ни мама, ни папа ни разу не взяли тетрадки на пляж и не уткнулись одним своим мозгом, разведенным случайно в две черепные коробки, в какую-нибудь «самую красивую формулу». Потому что ведь формулы бывают красивые, очень красивые и самые красивые! А вы как думали — что формулы это скучно? Для ботанов? Нет. Моя мама даже не в очках. В очках только папа, и они не мешают ему быть подтянутым и вполне спортивным. Родители бегают по утрам. Надевают одинаковые ветровки, одинаковые шапки и бегут по дворам. Меня не зовут — почему? Не знаю. Забывают, что я есть. Иногда после работы они идут во двор, где у нас сделали спортивную площадку рядом с детской, два раза отожмутся, подтянутся, а потом сядут на лавочку и продолжают спорить, писать, смеяться над одним им понятными математическими шутками — папа мастер таких шуток, когда смешно, но ничего непонятно. И я смотрю на них в окно, а потом открываю его и зову их домой, как обычно родители зовут детей, а они меня не слышат, потому что об-

суждают свое — запредельное. Телефоны они оставляют дома, потому что постоянно поступающие в телефоны волны мешают их мозгам работать в нормальном режиме — это аксиома в нашей семье. Выключи или отложи телефон, а потом уже жди от своего мозга полета в невиданные миры сложнейшей мировой гармонии, коей являются математика и физика, и биофизика, их младшая сестра. Еще в том мире живет классическая музыка, которую обожают мои родители, приучив и меня ее любить. Именно приучив, год за годом, с раннего детства.

В детстве я занималась музыкой, причем играла на редком инструменте — на арфе. Ее купили в музыкальную школу, и никто в группу игры на арфе не записался, записали меня, потому что я пришла в школу сама, в семь с половиной лет — я два месяца была уже ученицей общеобразовательной школы и могла принимать самостоятельные решения. Сейчас, когда я учусь в университете, это для меня самой звучит смешно, но я отлично помню: я смотрела-смотрела, как некоторых детей из моего класса тащат после уроков в музыкалку, и тоже решила сходить, посмотреть, что там да как. Мои мама с папой даже не очень удивились, когда я рассказала, что записалась в музыкальную школу, стали хохотать, подталкивать друг друга, подмигивать: «Это она в тебя! Авантюристка! Это она в тебя! Оригиналка!»

И когда я семь лет и еще один дополнительный восьмой год училась играть на арфе, я тоже была немножко из другого мира, как мои родители. И я могла иногда сказать потерявшимся в своем загадочном физическом мире родителям: «Пока! Я ушла туда, где вас сейчас нет!» Сказать с любовью, уважением и даже преклонением. Потому что у меня таких мозгов, как у них, — нет. И такой любви к науке. Я хотела поступать в музыкальное училище, находящееся как раз недалеко от Курчатовского института. Пришла в начале девятого класса на консультацию, походила по коридорам, посмотрела на студентов, — поняла, что через год я так же, как другие студенты, встану, прислонясь к забору, с сигаретой, заговорю на мате, покрашу волосы в синий или зеленый цвет в знак протеста против всего — что я звезд с неба не хватаю, что у меня болят пальцы от струн, всегда болели и болят, что училище мое не самое лучшее, что через улицу где-то там в своем загадоч-

ном корпусе с тройной степенью секретности сидят мои мама и папа. Их, кстати, несмотря на секретность их здания, из страны выпускают, потому что лично их гипотезы и докторские не связаны с оборонкой. И подработка папина не связана с оборонкой, подработка у него там же, на территории института, в соседнем корпусе, где какая-то оборотистая фирма арендовала две комнатки, и папа туда заходит, заносит выполненные задания по созданию хитроумных замков для бандитов и их дверей и всякой подобной ерунды. А кому из нормальных людей могут понадобиться замки, реагирующие только на твой голос? А если ты охрипнешь? Или попросишь соседку зайти полить цветы? Что тогда? Зато мы теперь не нищие, как были раньше, о чем мама с хохотом сообщала всем интересующимся, а совершенно обычные, как большинство населения нашей прекрасной и необъятной родины, не беднее остальных. Меня немножко бесит эта поза — ведь это поза, ничего более? У нищих нет ни своего дома, ни машины, пусть старой, но на ходу, ни дачи с печкой, ни кота, который предпочитает на обед остатки нашего куриного супа или рыбы.

В музыкальном училище я год все-таки отучилась на подготовительном, решила — посмотрю, вдруг первое впечатление было неправильным. Как-то вечером я шла с занятий домой, думая, что здорово было бы брать с собой Рыжика, чтобы не бояться поздно возвращаться по дворам, и вдруг увидела странные мусорки — разного цвета, никогда раньше таких не видела. На одной был явно самодельный плакат «Сделай хоть что-то для планеты или иди и хрюкай дальше!»

Я пришла домой и стала читать о раздельном сборе мусора, который начался не так давно в Москве. Потом, проходя по бесчисленным ссылкам, прочитала про засорение океана, про китов, выбрасывающихся на берег, потому что они съели маленьких рыбешек, которые в свою очередь съели пластик, которым полон океан, про грязные реки России, Китая, Индии, про ужасы Африки, про берега Индонезии, к которым приближает тонны мусора. Про то, что в маленькой Швеции — много, больше чем в нашей большой стране, современных заводов, без остатка и без вреда перерабатывающих мусор, даже есть завод, где утилизируют старые кроссовки, в которых сорок шесть разных фракций, и всех их нужно перерабатывать отдельно!

Я читала всю ночь, не ложилась спать, уснула за ноутбуком, проспала школу, не пошла на уроки, Рыжика выгуляли родители, думая, что раз я не встаю, то, значит, мне никуда сегодня не нужно. А я спала-спала, и когда проснулась, поняла, что я сегодня — другой человек. Я буду спасать нашу планету, потому что кто-то должен ее спасти.

Я очень быстро нашла себе соратников — в других странах их оказалось даже больше, чем у нас. Пришлось срочно подтягивать английский, на который я до этого плевала. Наверное, у меня все-таки есть крупницы родительского мощного интеллекта — врожденные и приобретенные. Поэтому я быстренько разобралась в логике английской грамматики, совершенно простой и банальной (склонений, спряжений нет и — ура!), в том, какие слова нужны для плотного, интересного, плодотворного общения, а что — просто муть, не нужная никому. Четверка по английскому быстро и автоматически превратилась в пятерку, хотя меня это волновало и волнует меньше всего.

Последний раз меня дома спрашивали (и выслушали до конца ответ!), какие у меня оценки, много лет назад, когда у меня была тройка по рисованию и папа подрисовывал страшненьким зайцам, которых я рисовала, смешные и трогательные ушки, а кривым елочкам — красивые бантики и шарики, и наша строгая, неподступная учительница, которую родители между собой по секрету звали Акула Гниловна, смилостивилась и поставила мне четыре по рисованию и три по математике — чтобы урегулировать баланс во Вселенной и заставить моих ученых родителей прийти на собрание, помыть ей окна, еще что-то сделать. Они, разумеется, не пришли. Но началка быстро закончилась, а в средней школе у нас была изумительная, моя любимейшая математичка, которая давала такие интересные задачи, что заинтересовалась даже я, до этого равнодушная хо-рошистка, и стала ездить на олимпиады по математике.

Вадюша с Валюшей успокоились — рисования больше нет, по математике — то, что надо в нашей семье. А когда очнулись и поняли, что ни математиком, ни физиком, ни арфисткой я не буду, то... нисколько не расстроились, а даже обрадовались. Ведь я собираюсь поступать в МГУ на географический факультет! А он рядом с физфаком и биофаком.